

Джон Мильтон

Потерянный Рай

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-1
ББК 84-5
Д42

Д42 **Джон Мильтон**
Потерянный Рай / Джон Мильтон – М.: Книга по Требованию, 2013. – 329 с.

ISBN 978-5-458-23592-1

Потерянный рай эпическая поэма Джона Мильтона в переводе Аркадия Акимовича Штейнберга. Впервые изданная на английском в 1667 году состояла из 10 книг, впоследствии с 1674 из 12. «Потерянный рай» рассказывает о восстании Люцифера против Бога и о грехопадении Адама и Евы. Созданные Мильтоном образы, включая образ Сатаны, оказали большое влияние на последующую английскую литературу, от Уильяма Блейка до романтиков XIX века.

ISBN 978-5-458-23592-1

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2013

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2013

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Тот, кто сияньем затмевал своим
Сиянье лучезарных мириад
В небесных сферах! Если это ты,
Союзом общим, замыслом одним,
Надеждой, испытаньями в боях
И пораженьем связанный со мной,-
Взгляни, в какую бездну с вышины
Мы рухнули! Его могучий гром
Доселе был неведом никому.
Жестокое оружие! Но пусть
Всесильный Победитель на меня
Любое подымает! — не согнусь
И не раскаюсь, пусть мой блеск померк...
Ещё во мне решимость не иссякла
В сознание попранного моего
Достоинства, и гордый гнев кипит,
Велевший мне поднять на битву с Ним
Мятежных Духов буйные полки,
Тех, что Его презрели произвол,
Вождем избрав меня. Мы безуспешно
Его Престол пытались пошатнуть
И проиграли бой. Что из того?
Не все погибло: сохранён запал
Неукротимой воли, наряду
С безмерной ненавистью, жаждой мстить
И мужеством — не уступать вовек.
А это ль не победа? Ведь у нас
Осталось то, чего не может Он
Ни яростью, ни силой отобрать -
Немеркнущая слава! Если б я
Противника, чьё царство сотряслось
От страха перед этою рукой,
Молил бы на коленях о пощаде,-
Я опозорился бы, я стыдом
Покрылся бы и горше был бы срам,
Чем низверженье. Волею судеб
Нетленны эмпирейский наш состав
И сила богоравная; пройдя
Горнило битв, не ослабели мы,
Но закалились и теперь верней
Мы вправе на победу уповать:
В грядущей схватке, хитрость применив,
Напружив силы, низложить Тирана,
Который нынче, празднуя триумф,
Ликует в Небесах самодержавно!"
Так падший Ангел, поборая скорбь,

Кичился вслух, отчаянье тая.
Собрат ему отважно отвечал:
"— О Князь! Глава порфиноносных сил,
Вождь Серафимских ратей боевых,
Грозивших трону Вечного Царя
Деяньями, внушающими страх,
Дабы Его величье испытать
Верховное: хранимо ли оно
Случайностью ли, силой или Роком.
Я вижу все и горько сокрушён
Ужасным пораженьем наших войск.
Мы изгнаны с высот, побеждены,
Низвергнуты, насколько вообще
Возможно разгромить богоподобных
Сынов Небес; но дух, но разум наш
Не сломлены, а мощь вернётся вновь,
Хоть славу нашу и былой восторг
Страдания поглотили навсегда.
Зачем же Победитель (признаю
Его всесильным; ведь не мог бы Он
Слабейшей силой — нашу превозмочь!)
Нам дух и мощь оставил? Чтоб сильней
Мы истязались, утоляя месть
Его свирепую? Иль как рабы
Трудились тяжко, по законам войн,
Подручными в Аду, в огне палящем,
Посыльными в бездонной, мрачной мгле?
Что толку в нашем вечном бытии
И силе нашей, вечно-неизменной,
Коль нам терзаться вечно суждено?"
Ему Отступник тотчас возразил:
"— В страданиях ли, в борьбе ли, — горе слабым,
О падший Херувим! Но знай, к Добру
Стремиться мы не станем с этих пор.
Мы будем счастливы, творя лишь Зло,
Его державной воле вопреки.
И если Провидением своим
Он в нашем Зле зерно Добра взрастит,
Мы извратить должны благой исход,
В Его Добре источник Зла сыскав.
Успехом нашим будет не однажды
Он опечален; верю, что не раз
Мы волю сокровенную Его
Собьём с пути, от цели отведя...
Но глянь! Свирепый Мститель отозвал
К вратам Небес карателей своих.

Палящий ураган и серный град,
Нас бичевавшие, когда с вершин
Мы падали в клокочущий огонь,
Иссякли. Молниями окрылённый
И гневом яростным, разящий гром
Опустошил, как видно, свой колчан,
Стихая постепенно, и уже
Не так бушует. Упустить нельзя
Счастливую возможность, что оставил
В насмешку или злобу утолив,
Противник нам. Вот голый, гиблый край,
Обитель скорби, где чуть-чуть сквозит,
Мигая мёртвым светом в темноте,
Трепещущее пламя. Тут найдём
Убежище от вздыбленных валов
И отдых, если здесь он существует,
Вновь соберём разбитые войска,
Обсудим, как нам больше досадить
Противнику и справиться с бедой,
В надежде — силу или, наконец,
В отчаянье — решимость почерпнуть!"

Так молвил Сатана. Приподнял он
Над бездной голову; его глаза
Метали искры; плыло позади
Чудовищное тело, по длине
Титанам равное иль Земнородным -
Врагам Юпитера! Как Бриарей,
Сын Посейдона, или как Тифон,
В пещере обитавший, возле Тарса,
Как великан морей — Левиафан,
Когда вблизи Норвежских берегов
Он спит, а запоздавший рулевой,
Приняв его за остров, меж чешуй
Кидает якорь, защитив ладью
От ветра, и стоит, пока заря
Не усмехнётся морю поутру,-
Так Архивраг разлёгся на волнах,
Прикованный к пучине. Никогда
Он головой не мог бы шевельнуть
Без попущенья свыше. Провиденье
Дало ему простор для тёмных дел
И новых преступлений, дабы сам
Проклятье на себя он вновь навлёк,
Терзался, видя, что любое Зло
Во благо бесконечное, в Добро
Преображается, что род людской,

Им соблазнённый, будет пощажён
По милости великой, но втройне
Обрушится возмездье на Врага.
Огромный, он воспрянул из огня,
Два серных вала отогнав назад;
Их взвихрённые гребни, раскатись,
Образовали пропасть, но пловец
На крыльях в сумеречный воздух взмыл,
Принявший непривычно тяжкий груз,
И к суше долетел, когда назвать
Возможно сушей — отверделый жар,
Тогда как жидкий жар в пучине тлел.
Такой же почва принимает цвет,
Когда подземный шторм срывает холм
С вершин Пелора, или ребра скал
Гремящей Этны, чьё полно нутро
Огнеопасных, взрывчатых веществ,
И при посредстве минеральных сил,
Наружу извергаемых из недр
Воспламенёнными, а позади,
Дымясь и тлея, остаётся дно
Смердящее. Вот что пятой проклятой
Нашупал Враг! Соратник — вслед за ним.
Тщеславно ликовали гордецы.
Сочтя, что от Стигийских вод спаслись
Они, как боги, — собственной своей
Вновь обрётённой силой, наотрез
Произволение Неба отрицая.
"— На эту ли юдоль сменили мы,-
Архангел падший молвил, — Небеса
И свет Небес на тьму? Да будет так!
Он всемогущ, а мощь всегда права.
Подальше от Него! Он выше нас
Не разумом, но силой; в остальном
Мы равные. Прощай, блаженный край!
Привет тебе, зловеющий мир! Привет,
Геенна запредельная! Прими
Хозяина, чей дух не утрашат
Ни время, ни пространство. Он в себе
Обрёл своё пространство и создать
В себе из Рая — Ад и Рай из Ада
Он может. Где б я ни был, все равно
Собой останусь, — в этом не слабей
Того, кто громом первенство снискал.
Здесь мы свободны. Здесь не создал Он
Завидный край; Он не изгонит нас

Из этих мест. Здесь наша власть прочна,
И мне сдаётся, даже в бездне власть -
Достойная награда. Лучше быть
Владыкой Ада, чем слугою Неба!
Но почему же преданных друзей,
Собратьев по беде, простёртых здесь,
В забвенном озере, мы не зовём
Приют наш скорбный разделить и, вновь
Объединясь, разведать: что ещё
Мы в силах у Небес отвоевать
И что осталось нам в Аду утратить?"
Так молвил Сатана, и Вельзевул
Ответствовал: "— О Вождь отважных войск,
Воистину, лишь Всемогущий мог
Их разгромить! Пусть голос твой опять
Раздастся, как незыблемый залог
Надежды, ободрявшей часто нас
Среди опасностей и страха! Пусть
Он прозвучит как боевой сигнал
И мужество соратникам вернёт,
Низринутым в пылающую топь,
Беспаятно недвижимым, оглушённым
Паденьем с непомерной вышины!"
Он смолк, и тотчас Архивраг побрёл
К обрыву, за спину закинув щит,-
В эфире закалённый круглый диск,
Огромный и похожий на луну,
Когда её в оптическом стекле,
С Вальдарно или Фьезольских высот,
Мудрец Тосканский ночью созерцал,
Стремясь на шаре пёстром различить
Материки, потоки и хребты.
Отступник, опираясь на копье,
Перед которым высочайший ствол
Сосны Норвежской, срубленной на мачту,
Для величайшего из кораблей,
Казался бы тростинкой, — брёл вперёд
По раскалённым глыбам; а давно ль
Скользил в лазури лёгкою стопой?
Его терзали духота и смрад,
Но, боль преодолевая, он достиг
Пучины серной, с края возопив
К бойцам, валяющимся, как листва
Осенняя, устлавшая пластами
Лесные Валамброские ручьи,
Текущие под сенью тёмных крон

Дубравы Этрурийской; так полѣг
Тростник близ Моря Чермного, когда
Ветрами Орион расколыхал
Глубины вод и потопил в волнах
Бузириса и конников его
Мемфисских, что преследовали вскачь
Сынов Земли Гесем, а беглецы
Взирали с берега на мертвецов,
Плывущих средь обломков колесниц;
Так, потрясѣнные, бунтовщики
Лежали грудами, но Вождь вскричал,
И гулким громом отозвался Ад:
"— Князья! Воители! Недавний цвет
Небес, теперь утраченных навек!
Возможно ли эфирным существам
Столь унывать? Ужели, утомясь
Трудами ратными, решили вы
В пылающей пучине опочить?
Вы в райских долах, что ли, сладкий сон
Вкушаете? Никак, вы поклялись
Хваленье Победителю воздать
Униженно? Взирает Он меж тем
На Херувимов и на Серафимов,
Низверженных с оружием заодно
Изломанным, с обрывками знамѣн!
Иль ждёте вы, чтобы Его гонцы,
Бессилье наше с Неба углядев,
Накинулись и дротиками молний
Ко дну Геенны пригвоздили нас?
Восстаньте же, не то конец всему!"
Сгорая от стыда, взлетели вмиг
Бойцы. Так задремавший часовой
Спросонья вздрагивает, услышав
Начальства строгий окрик. Сознывая
Свои мученья и беду свою,
Страхнув оцепененье, Сатане
Покорствуют несметные войска.
Так, в чѣрный день Египта, мощный жезл
Вознѣс Амрамов сын, и саранча,
Которую пригнал восточный ветер,
Нависла тучей, мрачною, как ночь,
Над грешной Фараоновой землѣй
И затемнила Нильскую страну;
Не меньшей тучей воспарила рать
Под своды адские, сквозь пламена,
Еѣ лизавшие со всех сторон.

Но вот копьём Владыка подал знак,
И плавно опускаются полки
На серу отверделую, покрыв
Равнину сплошь. Из чресел ледяных
Не извергал тысячелюдный Север
Подобных толп, когда его сыны,
Дунай и Рейн минуя, как потоп
Неудержимый, наводнили Юг,
За Гибралтар и до песков Ливийских!
Начальники выходят из рядов
Своих дружин; они к Вождю спешат,
Блистая богоравной красотой,
С людскою — несравнимой. Довелось
Им на небесных тронах восседать,
А ныне — в райских списках ни следа
Имён смутьянов, что презрели долг,
Из Книги Жизни вымарав себя.
Ещё потомство Евы бунтарям
Иные прозвища не нарекло,
Когда их допустил на Землю Бог,
Дабы людскую слабость испытать.
Им хитростью и ложью удалось
Растлить едва ль не весь Адамов род
И наклонить к забвению Творца
И воплощению облика его
Невидимого — в образы скотов,
Украшенных и чтимых в дни торжеств
Разнузданных и пышных; Духам Зла
Учили поклоняться, как богам.
Под именами идолов они
Языческих известны с тех времён.
Поведай, Муза, эти имена:
Кто первым, кто последним, пробудясь,
Восстал из топи на призывный клич?
Как, сообразно рангам, шли к Вождю,
Пока войска держались вдалеке?
Главнейшими божками были те,
Кто, ускользнув из Ада, в оны дни,
Ища себе добычи на Земле,
Свои дерзали ставить алтари
И капища близ Божьих алтарей
И храмов; побуждали племена
Молиться демонам и, обнаглев,
Оспаривали власть Иеговы,
Средь Херувимов, с высоты Сиона,
Громами правящего! Их кумиры -

О, мерзость! — проникали в самый Храм,
Кошунственно желая поругать
Священные обряды, адский мрак
Противоставив свету Мiroдержца!
Молох шёл первым — страшный, весь в крови
Невинных жертв. Родители напрасно
Рыдали; гулом бубнов, рёвом труб
Был заглушён предсмертный вопль детей,
Влекомых на его алтарь, в огонь.
Молоха чтит народ Аммонитян,
В долине влажной Раввы и в Аргобе,
В Васане и на дальних берегах
Арнона; проскользнув к святым местам,
Он сердце Соломона смог растлить,
И царь прельщённый капище ему
Напротив Храма Божьего воздвиг.
С тех пор позорной стала та гора;
Долина же Еннома, осквернясь
Дубравой, посвящённую Молоху,
Тофет — с тех пор зовётся и ещё -
Геенной чёрною, примером Ада.
Вторым шёл Хамос — ужас и позор
Сынов Моава. Он царил в земле
Ново и Ароера, средь степей
Спалённых Аворнма; Езевон,
Оронаим, Сигонова страна,
И Сивма — виноградный дол цветущий,
И Елеал, весь неохватный край
До берега Моря Мёртвого, пред ним
Склонялся. Он, под именем Фегора,
В Ситтине соблазнил израильтян,
Покинувших Египет, впасть в разврат,
Что принесло им беды без числа.
Он оргии свои до той горы
Простёр срамной и рощи, где кумир
Господствовал Молоха — людобойцы,
Пока благочестивый не пресёк
Иосия грехи и прямо в Ад
Низверг из капищ мерзостных божков.
За ними духи шли, которым два
Прозванья были общие даны;
От берегов Евфрата до реки
Меж Сирией и Царством пирамид -
Ваалами, Астартами звались
Одни — себе присвоив род мужской,
Другие — женский. Духи всякий пол

Принять способны или оба вместе -
Так вещество их чисто и легко,
Ни оболочкой не отягчено,
Ни плотью, ни громоздким костяком.
Но, проявляясь в обликах любых,
Прозрачных, плотных, светлых или тёмных,
Затеи могут воплощать свои
Воздушные — то в похоть погружаясь,
То в ярость впав. Израиля сыны
Не раз, Жизнеподателя презрев,
Забвению предав Его законный
Алтарь, пред изваяньями скотов
Униженно склонялись, и за то
Их были головы обречены
Склоняться столь же низко пред копьём
Врагов презренных. Следом Аштарет,
Увенчанная лунным рогом, шла,
Астарта и Владычица небес
У Финикиян. В месячных ночах,
Пред статуей богини, выпевал
Молитвословья хор Сидонских дев.
И те же гимны в честь её Сион
Пятнали. На горе Обиды храм
Поставил ей женолюбивый царь.
Он сердцем был велик, но ради ласк
Язычниц обольстительных почтил
Кумиры мерзкие. Богине вслед
Шагал Таммуз, увечьем на Ливане
Сириянок сзывавший молодых,
Что ежегодно, летом, целый день
Его оплакивали и, следя,
Как в море алую струю влечёт
Адонис, верили, что снова кровь
Из ран божка окрасила поток.
Пленились этой притчей любово-страстной
Сиона дщери. Иезекииль
Их похоть созерцал, когда у врат
Святых ему в видении предстал
Отпавшего Иуды гнусный грех
Служенья идолам. Шёл Дух вослед,
Взаправду плакавший, когда Кивотом
Завета полоненным был разбит
Его звероподобный истукан.
Безрукий, безголовый, он лежал
Средь капища, своих же посрамив
Поклонников; Дагоном звался он -

Морское чудо, получеловек
И полурыба. Пышный храм его
Сиял в Азоте. Палестина вся,
Геф, Аскалон и Аккарон и Газа,
Пред ним дрожали. Шёл за ним Риммой;
Дамаск очаровательный служил
Ему жильём, равно как берега
Аваны и Фарфара — тучных рек.
Он тоже оскорблял Господень Дом:
Утратив прокажённого слугу,
Он повелителя обрёл: царя
Ахаза, отупевшего от пьянства,
Принудил Божий разорить алтарь
И на сирийский лад соорудить
Святилище для сожиганья жертв
Божкам, которых он же победил.
Шли дало демоны густой толпой:
Озирис, Гор, Изиды — во главе
Обширной свиты; некогда они
Египет суеверный волшебством
Чудовищным и чарами прельстили,
И заблуждающиеся жрецы,
Лишив людского образа своих
Богов бродячих, в облики зверей
Их воплотили. Этой злой чумы
Израиль на Хоривене избег,
Из золота заёмного отлив
Тельца; крамольный царь свершил вдвойне
Злодейство это — в Дано и Вефиле,
Где уподобил тучному быку
Создателя, что в ночь одну прошёл
Египет, и одним ударом всех
Младенцев первородных истребил
И всех низринул блеющих богов.
Последним появился Велиал,
Распутнейший из Духов; он себя
Пороку предал, возлюбив порок.
Не ставились кумирни в честь его
И не курились алтари, но кто
Во храмы чаще проникал, творя
Нечестие, и развращал самих
Священников, предавшихся греху
Безбожия, как сыновья Илия,
Чинившие охальство и разгул
В Господнем Доме? Он царит везде,-
В судах, дворцах и пышных городах,-